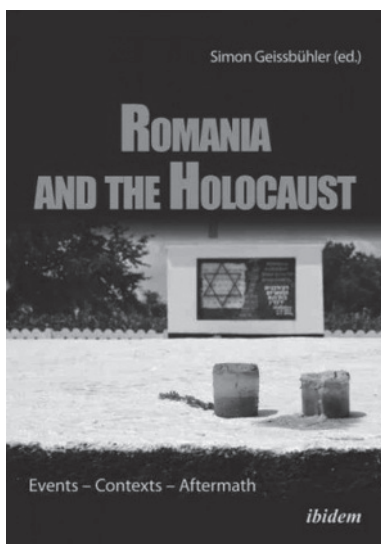

ВЛАДИМИР СОЛОНАРЬ

Romania and the Holocaust: Events-Contexts-Aftermath / Ed. Simon Geissbühler. – Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2016. – 270 p.

Симон Гайссбюлер, швейцарский дипломат, политолог и историк, опубликовавший несколько книг и статей, в том числе академического характера по истории Холокоста в Румынии, собрал в этом небольшом томе под названием «Румыния и Холокост: события – контексты – последствия» десять очерков, написанных исследователями из Румынии,

других европейских стран, США, Канады и Израиля. Эти очерки посвящены следующим темам: массовые преступления против евреев, включая погромы и расстрелы, летом и осенью 1941 г., ситуация в гетто в Транснистрии в 1941–1944 гг., советские источники по истории Холокоста в Румынии, а также коммеморация и социальная память о Холокосте в современной Румынии.

В первой группе очерков выделяется превосходная работа немецкого историка Кая Струве (Kai Struve), посвященная массовым

преступлениям против евреев в первые два месяца немецко-советской войны. Основная часть очерка суммирует результаты многолетних архивных разысканий и детального анализа свидетельств о событиях в Восточной Галиции, проведенных Струве и подробно изложенных в его недавней монографии¹. Затем автор переходит к сравнению своих выводов с наблюдениями историков, изучивших подобные события в соседних областях СССР, в особенности тех, которые были аннексированы в 1939–1940 гг. Автор приходит к заключению, что исследователи в целом согласны в том, какие факторы определяли истоки и динамику антиеврейского насилия. Струве отвергает трактовку антиеврейского насилия со стороны местного населения как стихийного проявления давних антисемитских предрассудков и погромных традиций, которые якобы никогда не умирали в этих областях и просто всплыли на поверхность в период безвластия между уходом Советов и приходом немцев или других оккупантов. Он показывает, что акты неорганизованного, стихийного насилия хотя и имели место, но были менее многочисленны и сопровождались меньшим количеством жертв, чем обычно предполагается. Массовые же расправы были организованы и проведены либо немцами, либо, по их поручению и с их согласия, местными экстремистами. В редких случаях, в особенности в Восточной Галиции и Буковине, националистические экстремисты-оуновцы убивали евреев по собственной инициативе, стремясь к созданию этнически «чистой» Украины и действуя по своему плану, не согласованному с немцами. В то же время, хотя соответствующие инструкции были изданы подпольным руководством ОУН(б), их исполнение разнилось от местности к местности, от одного населенного пункта к другому в зависимости от фанатизма и личных качеств местных руководителей и ряда других факторов, отследить которые невозможно. Должен признаться, что анализ и выводы немецкого ученого мне представляются убедительными, и что я и сам ранее пришел к подобным заключениям на основе исследования событий в Бессарабии и Северной Буковине лета 1941 г. Надеюсь, что глубоко продуманный и ясно изложенный синтез последних научных изысканий, предложенный Струве

¹ *Struve K. Deutsche Herrschaft, ukrainischer nationalismus, antijudische Gewalt. Der Sommer 1941 in der Westukraine.* – Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2015.

в этом очерке, получит широкую известность и признание в академическом сообществе.

Канадский историк, бывший профессор и ныне общественный деятель Альти Родаль (Alti Rodal) в очерке, посвященном резне еврейского населения в селе Боривцы (ныне – Кицманского района Черновицкой области) в июле 1941 г., приходит к выводам, вполне сходным с теми, которые сформулировал Струве. Этого, однако, нельзя сказать об очерке польско-израильского историка Витольда Мендыковского (Witold Mędykowski) об антиеврейском насилии в оккупированных западных областях СССР летом 1941 г., который повторяет гипотезу «стихийных» погромов. Профессор-эмеритус истории университета Северного Техаса Генри Л. Итон (Henry L. Eaton) в очерке, посвященном причинам и динамике погрома в Яссах конца июня – начала июля 1941 г., в сжатом виде предлагает трактовку, более подробно изложенную им в книге 2013 г.² Итон утверждает, что погром был задуман и организован румынским правительством как часть плана полного изгнания и/или уничтожения евреев Румынии. Эта трактовка не нова, она утвердилась еще в первые послевоенные годы, среди ее сторонников был недавно ушедший из жизни авторитетный израильский историк Жан Анчел (Jean Ancel). Однако при ближайшем рассмотрении она не выдерживает критики – по двум основным причинам. Во-первых, она не дает ответа на неизбежно встающий вопрос о причинах, по которым румынское правительство приняло меры – хотя и с опозданием – для того, чтобы положить конец погрому, а затем вернуть в город евреев, которые выжили в так называемых поездах смерти, в которые они были загнаны как скот и в которых были вывезены из города во время кровавых событий. Во-вторых, источники, в обилии цитируемые Итоном и другими сторонниками этой трактовки, не позволяют сделать вывод о заранее спланированном и хорошо организованном характере погрома. Скорее, они рисуют картину хаоса, массовой истерии, вызванной страхом советского вторжения (советские войска находились в непосредственной близости от города, который накануне подвергся бомбардировке советской авиацией), и потери контроля над ситуацией со стороны властей.

² Eaton H. *The Origins and Onset of the Romanian Holocaust*. – Detroit: Wayne State University, 2013.

Заслуженный немецкий исследователь, на счету которой многочисленные публикации по истории румынских евреев и других национальных меньшинств, Мариана Хауслейтнер (Mariana Hausleitner) подвергла критическому анализу свидетельства о так называемых еврейских бандах, которые якобы нападали, грабили и убивали румынских государственных служащих и военных во время эвакуации из города Яссы 29 июня 1940 г. Она убедительно доказала, что источники не подтверждают этой версии событий, которая является просто мифом, созданным коллективными усилиями румынских воинских чинов, которые стремились тем самым – возможно, не вполне осознанно – отвести обвинения от себя за из ряда вон плохо, с большими потерями проведенную из области эвакуацию.

Израильские историки Сара Розен (Sarah Rosen) и Гали Тибон (Gali Tibon) предлагают читателю свои прочтения дневников и воспоминаний бывших узников еврейских гетто в северной Транснистрии. Написанные и изданные в основном на иврите, иногда очень маленькими тиражами, эти источники доступны весьма ограниченному числу исследователей, что весьма печально, так как они – как следует из упомянутых очерков – бесценны для понимания динамики отношений между узниками и властями, в особенности охранниками и местными румынскими начальниками. Оба автора сосредотачиваются на анализе взаимоотношений между различными группами узников – местных евреев, а также евреев из различных областей предвоенной Румынии. Эти группы организовывались вокруг своих наиболее видных представителей, неизбежно боровшихся за контроль над теми незначительными ресурсами, которые гетто могло контролировать. Вытекавшие из этой конкуренции трения подчас приводили к серьезным конфликтам с тяжелыми последствиями для узников.

Молдавская исследовательница Диана Думитру (Diana Dumitru), много сделавшая в плане изучения взаимоотношений евреев и неевреев в период Холокоста на подконтрольных румынам территориях, публикует очерк о попытках лиц, осужденных советскими судами за преступления против еврейского населения во время войны, добиться пересмотра своих дел во время хрущевской оттепели и в последующий период. Думитру показывает, что советское правосудие весьма неохотно пересматривало такие дела, даже когда доказательная база против того или иного лица была слаба.

Дальнейшие исследования должны подтвердить, уточнить или опровергнуть этот вывод, а также соотнести эти наблюдения с вопросом о надежности уголовных дел военных преступников, которые расследовались в советское время, как источника по истории Холокоста.

Израильский историк Тувия Фрилинг (Tuvia Friling) делится своими воспоминаниями о работе Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии, которая была создана по решению румынского президента Иона Илиеску в 2003 г. и представила свой заключительный доклад в 2004 г.³ Это, вероятно, первое подобного рода свидетельство о работе комиссии. Оно позволяет оценить то, в каких сложных условиях проходила работа комиссии, подвергавшейся давлению извне – со стороны многочисленных отрицателей роли румын в преследовании евреев, которые в то время доминировали в румынской академической среде, государственной администрации и обществе целом – и испытаниям изнутри, со стороны некоторых историков, придерживавшихся различных взглядов. В первую очередь это касалось оценок вероятного количества жертв румынского геноцида евреев.

Наконец, Майкл Шафир (Michael Shafir), румынский политолог, много сделавший для отслеживания и анализа антисемитского дискурса в современной Румынии, в своем информативном очерке показал, как даже после публикации «Окончательного доклада» вышеупомянутой Международной комиссии отрицание, преуменьшение или тривиализация румынского «вклада» в уничтожение европейского еврейства остается своего рода дискурсивной нормой в широких общественных кругах Румынии. Как пишет Шафир, наряду с официальной памятью о Холокосте в Румынии, признающей вину Румынии за совершенные преступления, существует «неофициальная» память, которая сохраняется посредством передачи из поколения в поколения в семьях и таких социальных группах, как местные сообщества и церковные приходы. Две памяти сосуществуют бок о бок и подчас в головах одних и тех же людей, которые в разных ситуациях высказываются по этим вопросам в противоположном смысле, очевидно, не находя в себе сил по-настоящему признать трагическую правду. Похоже, Шафир считает, что неофициальный, альтернативный дискурс, представляющий

³ International Commission of the Holocaust in Romania, Final Report. – Iași: POLIROM, 2005.

Холокост как трагедию, за которую Румыния не несет ответственность, все еще преобладает в румынском обществе, и его вытеснение официальным признанием вины как аутентичной истории прошлого вовсе не predetermined, хотя некоторые сдвиги в этом направлении наметились. Проблема состоит в том, что, с точки зрения многих румын, признание вины их страны за участь евреев, оказавшихся во время войны под властью Румынии, отнимает у них право чувствовать себя жертвами другой тоталитарной страны, Советского Союза. Эта динамика характерна, как подчеркивает румынский политолог, для многих восточноевропейских стран. Он воздерживается от обсуждения вопроса, как такое противоречие – логически лишь кажущееся, но психологически воспринимаемое как вполне реальное и очень болезненное, – может быть преодолено.

Книгу завершает статья С. Гайссбюлера – своего рода резюме нынешнего состояния исследований Холокоста в Румынии. Обращенное и к ученым-исследователям, и к широкой публике, оно предлагает также и «уроки», которые читатель, интересующийся проблемами истории Холокоста в целом, может вынести из изучения трагедии евреев Румынии.